

image not found or type unknown

Когда Христос произносит «Возлюби ближнего своего как самого себя», разве не эти слова являются той основой, на которой впоследствии будут основаны многие гласные и негласные этические кодексы, в том числе кодекс людей, взявших на себя ответственность быть посредником между симптомом и пациентом и, не будучи медиком, стараться его разрешить. Разве не эти слова из Евангелие говорят нам про отношение к ближнему не как к средству, а как к благу, как цели его совершения? Ведь совершая благой поступок по отношению к другому, человек облагораживает тем самым и себя. Не на этом ли основаны те ценности, принятые в обществе, которые впоследствии стали нравственными законами при его формировании в гуманистическом ключе, с требованием прав, свобод, волеизъявления?

Западная культура со времен Просвещения всегда гордилась фактом освобождения разума от пут религии и овладением им как инструментом познания человеком самого себя и природы. Из подобного взгляда и исходит оптимистическая вера в достижение человеком великого счастья и осуществления своих самых сокровенных надежд. Именно разум, ставший ориентиром человека в утверждении моральных принципов и норм, отныне стал тем помощником в различении добра и зла, которых не смогла дать ему религия. Знание – сила! Именно такой девиз сохранился как стимул деятельности и усилий вплоть до нашего времени. Но результатом явилось подчинение современным человеком себя идеологии релятивизма, считающей нравственные нормы и ценности всего лишь делом личностного выбора и вкуса из-за невозможности объективной верификации. Но невозможность человека существовать без моральных ценностей, принципов и норм делает его субъектом жаждущим, субъектом желания, и, порой безотчетно для себя, он попадает в сети ожидающей его системы иррациональных ценностей и удовольствий. Итогом становится, под прямым действием Супер-эго, процесс расщепления субъекта между желанием и долгом, помощью себе или другому, между соблюдением ограничивающих правил и попыток их преодоления, попыток осмысленной речи, ограничивающейся лишь неудовлетворенном высказыванием, напрямую связанной с действием как поступком. Именно с попытки разрешения подобной дихотомии и начался фрейдовский психоанализ, а именно с вопроса симптома пациента «Почему?», и продолжился уже лакановским вопросом «Как?» То есть буквально, что я могу извлечь из того знания, который

несет с собой симптоматика пациента? Именно здесь проявляются те нравственные установки, принятые психологическим сообществом в отношении норм и правил, с которыми соотносится любая деятельность психолога, как профессионала, в частности, и жизнь любого человека, как субъекта ответственности в целом. Проблематика, поставленная еще Кантом, в отношении моральных и легальных поступков, проявляется в любой момент попытки субъекта быть субъектом ответственности, а значит субъектом, соблюдающим нравственные принципы, те принципы, воспитанные в нем культурой и социумом. Именно данные принципы являются решающим фактором в отношении аналитика-клиента, сцепленных симптоматической связью. Можно ли пренебречь подобными принципами, если это пойдет на пользу терапии? Возможно ли, например, принять анализантом в анализе позицию Знания, которое учит, или позицию Истерики, которая соблазняет, путем достижения, к примеру, проработки переноса и контрпереноса? Или непосредственного увеличения продолжительности терапии, ее затягивания или, наоборот, укорачивания, с преследованием личностных целей. И может ли психолог вообще соблюдать правила, например, в работе с бессознательным пациента, там, где они отсутствуют (пример, погружения в символический мир психотиком), там, где они существуют для аналитика, а не для анализанта.

Несмотря на то, что технические и теоретические позиции (особенно в трактовке позиции аналитика в анализе, например, о попытке вмешательства непосредственно в жизнь пациента или нарушения принципа отстраненности), по моему мнению, далеко развели разные психологические течения (гештальт-терапия, классический фрейдизм, эго-психология и т.д.), тем не менее точки схода можно найти, в представлении человека, по словам Аристотеля, человеком общественным (zoön politikon), внутренний мир которого невозможно понять без внешнего мира, в который он интегрирован, без природы моральных ценностей и нравственных противоречий. Ведь задачи соблюдения исконных ценностных постулатов не для того, чтобы бездумно придерживаться норм и правил в попытке выстроить работающую, непротиворечивую систему отношений с пациентом в пути разрешения его проблем, но в том, чтобы действовать осмысленно, держась традиций гуманистической этики, в которой человек выступает вне разделения, подобно картезианской дихотомии «душа-тело», подчеркивая уникальность отдельно взятого человека, в его цели – быть самим собой. А что же это, как не качество, которое мы называем эмпатией. Та ценность, при соблюдении которой, без готовности, желания и способности чувствовать, понимать другого человека, воспринимая мир его глазами, отвлекаясь от собственных чувств, психолог не

может быть психологом. И разве не подобный поиск средства в Другом, а не цели, говорят нам универсальные слова из Евангелии «Возлюби ближнего своего...»?

По словам Жана Мишеля Вапперро (Jean-Michel Vappereau) на мой вопрос о положительной тенденции в трактовке основ моральных принципов в ходе терапии различными терапевтическими направлениями, ответил, что, не смотря на сохранение непреодолимых противоречий в трактовке их применимости различными психоаналитическими школами, аналитику нужно помнить о словах Фрейда статьи «Анализ конечный и бесконечный»: *«До тех пор, пока он вообще способен практиковать, доктор, страдающий от легочного или сердечного заболевания, не испытывает затруднений в установке диагноза и лечении внутренних заболеваний; в то время как особые условия аналитической работы приводят к тому, что дефекты аналитика становятся помехой для вынесения правильных суждений о состоянии пациента и правильного реагирования на них. Поэтому от аналитика обоснованно ожидают достаточной степени психической нормальности и упорядоченности как элемента его квалификации. В дополнение к этому он должен обладать каким-то превосходством, чтобы в определенных аналитических ситуациях выступать как пример для пациента, а в других – как учитель. И, наконец, мы не должны забывать, что психоаналитические взаимоотношения основаны на любви к истине – то есть на признании реальности – и это исключает любой вид притворства или обмана».*

Дополнительная литература:

1. Lacan J. Le séminaire // Livre VII: L'Ethique de la psychanalyse. Paris: Edition du Seuil, 1986.
2. Zupancic A. Ethics and tragedy in Lacan // The Cambridge Companion to Lacan, edited by Jean-Michel Rabateio Cambridge University Press, 2003.
3. Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла, СПб. , Machina, 2006.
4. Фрейд З. Недовольство в культуре. Философские науки № 1, 1989.
5. Фрейд З. Анализ конечный и бесконечный. // Московский психотерапевтический журнал . 1996, № 2.